Свобода обнажает личность творца

Две выставки: салон и авангард

Культура. – 1998. – 9–15 янв. – с. 10

Сладкая живопись

Персональная выставка Юрия Григоряна в галерее "Манеж" явилась для меня полной неожиданностью, так как есть множество причин считать его творчество чужеродным для этой своеобразной галереи, приютившейся в огромном желтом теле старого московского "Манежа", как Гаврош в недрах странного парижского слона, описанного Виктором Гюго.

Глядя на картины Юрия Григоряна, я часто испытываю недоумение и досаду. Как же так, думаю я, иметь под рукой неисчислимое богатство красок и составлять при этом из года в год почти одно и то же сладостное цветовое соединение, писать одни и те же повторяющиеся сюжеты и виды?! Неужели этому живописцу, родившемуся в сказочном и суровом Нагорном Карабахе, не надоедает изображать обнаженных дев, похожих на лесных ланей, или приторных длинноглазых красоток в широкополых шляпах с букетами и нежными осликами?..

Постепенно я пришел к выводу, что имею дело с художником одной картины, главным героем которой является золотисто-розовый или зеленовато-голубой туман, окутывающий горы, коренастые деревья, уступы каменных оград, приземистые дома с красными крышами и темными проемами прямоугольных или арочных окон и дверей. Григоряновский туман бывает расцвечен яркими вспышками красных и зеленых пятен, смягченных охристым или желто-оранжевым фоном, напоминающим горячий колорит Минаса Аветисяна, давно ставшего для многих армянских художников чем-то вроде сказочной национальной легенды.

В чем причина умиротворяющей живописной стабильности Ю.Григоряна? Может быть, живи он не в благоустроенной Москве, а в обедневших сегодня холодных и голодных селах Армении и, в частности, в своем измученном войной Нагорном Карабахе, живопись его, возможно, утратила бы свои ярко выраженные десертные качества? Во всяком случае у автора был бы повод вспомнить о действительном драматизме армянской истории, свободной от внешней декоративной красивости. Впрочем, для творческих перемен такого рода необходим не внешний, а внутренний повод, а главное – чувство времени, чувство изменившейся оптики нового бытия. Григорян же ориентируется, к сожалению, не столько на себя, сколько на определенного потребителя, любящего живописные варианты восточных сладостей. Лишь изредка (судя в основном по пейзажам) в художнике просыпается атавистическое чувство неподслащенной красоты, и тогда мы видим не механическую экспрессию сырых красок и не бисквитно-кремовый туман, а живую природную среду горных селений Карабаха.

Ю.Григорян. "В пути". 1995 г.

До последнего времени галерея "Манеж" обращалась к творчеству художников экспериментального плана и ценила не столько товарный вид произведений своих экспонентов, сколько пластическую остроту. Остается только предполагать, что выставка Юрия Григоряна – это что-то вроде тайм-аута, который поможет галерее передохнуть и вопреки флюидам нашего рыночного времени вновь вернуться к непредсказуемым диссонансам искусства.

"Блаженствует" смутное

"Соотношение аморфной формы и геометрии" – в этом самоопределении весь Игорь Снегур, персональная выставка которого открылась в марте в галерее "Москоу файн арт", приютившейся близ Триумфальной площади за спиной огромного здания, в котором размещается ресторан "Пекин".

Выставка получилась стильной и стерильной. А в стерильности всегда есть безвременность. Новых горизонтов в искусстве заканчивающегося XX века Снегур не открывает, впечатляющих итогов не подводит. Он только самовыражается – чисто, изящно и весьма подстать интерьерам фирменных офисов и просторных вилл. Глядя на "линеарно-аморфные формы, отрешившиеся от веса и массы", можно спокойно заниматься своими насущными делами или отдыхать. Помехи не будет. С кистью и линейкой в руках Снегур медитирует сам и позволяет не без приятности медитировать другим. "Я конструирую изобразительную модель, создаю структуру, в которой "купается" или "блаженствует" смутное, обнажая невиданное доселе тело свое перед нашим взглядом". Это говорит он сам, наш высокопарный современник, бывший в 70-е годы одним из столпов выставок на Малой Грузинской, 28. Ныне же он лирический историк самого себя, так как надобности в героическом сопротивлении недоброжелательной среде и государству больше нет.

Удивительное дело – свобода обнажает личности наших творцов намного успешнее, чем несвобода.

Что же касается галереи "Москоу файн арт", то можно смело сказать, что выставка Снегура ее художественную политику не проясняет. Галеристы как бы застыли в задумчивости, решая классический вопрос "Куда ж нам плыть?" – в царство амбициозных радикалов или в тихую гавань традиционалистов. Вслед за своим нынешним экспонентом они могли бы повторить, что их интересует "это и другое" – ясное и смутное, салонное и по-настоящему авангардное. По отношению же к зрелому и многоопытному мастеру галерея честно выступает как старательный рекламист, утверждая, что "Игорь Снегур хорошо известен на Западе... и в России, частью истории искусства которой он уже является".

С последним "уже" лучше бы не спешить. История искусства — вещь неторопливая и точная.

Вильям МЕЙЛАНД